

1.

Платон и проблемы платоноведения

Владимир Прокопенко

Платон, ироник?

VLADIMIR PROKOPENKO

PLATO, THE IRONIST?

ABSTRACT. The article deals with the concept of Platonic irony. As a general theory of irony does not exist and the concept of irony hardly lends itself to an unambiguous definition, we forthwith stumble across a number of questions: “Can we treat Plato as an ironic philosopher (in Schlegelian sense)? Did Plato use irony as a purely rhetorical figure? Perhaps, irony for Plato was just a literary device? Who practiced Socratic irony — an historical Socrates, or, according to the mouthpiece principle, Socrates as a character of Plato’s literary work? What is the role of irony in Plato’s dialogues? How irony is related to the anonymity of Plato?” Proposing to overcome these difficulties by resorting to the pragmatics of Platonic texts, the author considers the dialogues to be a kind of training exercises, and Plato’s irony, a tool of education. This irony has multiple layers, and can not be reduced to a simple choice between open and hidden meanings. It is a polyphonic and multilayered structure, functioning as a kind of provocation to independent thinking, this being the main, but not the only role of Platonic irony.

KEYWORDS: Plato, irony, maieutics, pedagogical hypothesis.

Вопрос об иронии имеет чрезвычайно важное значение для понимания Платона. «Конечно, тот, кто объяснил бы нам, что именно люди вроде Платона говорили всерьёз, шутя и полусху-тя, что из убеждения, а что — лишь разговора ради, тот оказал бы нам исключительную услугу и сделал бы огромный вклад в

© В.В. Прокопенко (Харьков). Pvlad99@gmail.com. Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина.

наше образование»¹. Это высказывание Гете приводит П. Фридендер в своей книге о Платоне и замечает: «Эти слова Гете не следует воспринимать слишком серьезно даже в качестве идеального постулата. И все же, совершенно определенно, никто не может подойти к Платону без понимания того, что такое ирония, и что она значит в его произведениях»². Седьмая глава первого тома фридендеровского «Платона», посвященная исследованию платоновской иронии, не закрыла исследование проблемы — в последние десятилетия работы на эту тему выходили регулярно, но едва ли можно сказать, что мы существенно приблизились к ответу на вопрос о сути иронии, ее роли и предназначении в творчестве Платона. Можно говорить, однако, о том, что стали различимы основные элементы, входящие в состав этой комплексной проблемы. Этим прояснением наука о Платоне обязана работам тех авторов, которые определили общее направление современных исследований платоновской иронии: Г. Властос (Vlastos 1987), Ч. Грисволд (Griswold 2002), А. Нехамас (Nehamas 1998), К. Роу (Rowe 2007), Л. Штраус (Strauss 1964) и А. Блум (Bloom 1968), Д. Хайленд (Hyland, 1988).

Говоря об «общем направлении исследований», мы намеренно ограничиваем поле рассмотрения иронии исключительно платоновскими диалогами. Дело в том, что традиционный для науки подход — от общей теории предмета к анализу частных случаев — вряд ли возможен в случае с иронией, настолько многообразен и неочевиден оказался предмет исследования. Само понятие иронии, как выяснилось, совершенно не поддается однозначной дефиниции, и надо признать, что общей теории иронии, как таковой, попросту нет, хотя существует давняя и мощная традиция исследований иронии: о ней писали Гегель, Шеллинг, Ф. Шлегель, Кьеркегор, Фуко, Рорти, Ю. Кристева, В. Янкелевич и многие другие. В итоге, как замечает современный автор, «понятие иронии настолько расширилось, что стало целесообразным

¹ Goethe 2016: 228; пер. Гараджа 2016: 222.

² Friedländer 1954: 137.

различать различные и многочисленные виды иронии. Вообще, единой таксономии иронии не существует, а исследователи признают, что ирония представляет собой неимоверно текучий и зыбкий объект исследований»³. «Понятие иронии упорно сопротивляется дефиниции, полностью оправдывая свою древнегреческую коннотацию “хитрой лисы”»⁴. Относительно сократовско-платоновской иронии ситуация осложняется еще и возражениями некоторых исследователей против отождествления иронии (в современном ее понимании) и греческой *εἰρωνεία*. Так, М. Лейн утверждает, что «*εἰρωνεία* и родственные ей слова нигде у Платона не следует переводить как “ирония”, если определять “иронию” как речь, которая говорится с намерением передать что-то противоположное или отличное по значению»⁵. Сходную позицию занимает Р. Бургер (Burger 1985) и некоторые другие авторы, которые утверждают, что различие между двумя этими понятиями радикально: для ироника в современном смысле ирония есть способ сообщить больше, чем сказано, в греческом изначальном варианте — умолчание, скрывающее больше, чем сказано.

Нам представляется более продуктивной позиция Г. Властоса и А. Нехамаса, которые не видят в этом различии непреодолимого препятствия. Для отечественного исследователя эта точка зрения подкрепляется также выводами из анализа исторического развития понятия иронии, сделанными А.Ф. Лосевым, который заключает, что именно в диалогах Платона мы находим соединение иронии в двух указанных выше смыслах.

В такой ситуации особое значение приобретает максимальная определенность исследовательской задачи: что именно мы должны знать для того, чтобы понять иронию Платона?

Первый вопрос касается авторства и связан с анонимностью Платона: кому, собственно, принадлежит ирония в диалогах, если сам Платон никогда не появляется среди персонажей, а позиция

³ Алиев 2008: 76.

⁴ Furst 1984: 11.

⁵ Lane 2006: 49.

ироника занята Сократом? Сократическая это ирония или все же платоновская? Если сократическая, то принадлежит ли она историческому Сократу или персонажу платоновских диалогов?

Что касается исторического Сократа, то, например, Ксенофонт, говоря о сократовской манере разговора, никогда не называет ее иронией, и А.Ф. Лосев, говоря о Сократе-иронике, признает, что «впервые твердое присвоение этой философско-эстетической позиции Сократу мы находим только у Аристотеля»⁶. Образом Сократа как ироника по преимуществу, «патрона ироников»⁷, мы обязаны в большей мере Шлегелю и Кьеркегору, чем историческому Сократу. Поэтому нам представляется разумной позиция, занятая, к примеру, Ч. Грисволдом, который, рассмотрев трудности, неизбежно возникающие при попытках различить фигуры исторического и платоновского Сократа, принимает решение игнорировать в своем исследовании исторического Сократа⁸. К такому подходу фактически присоединяются и те авторы, которые считают, что, скорее всего, Платон в целом правдиво описывает исторического Сократа (по крайней мере, в «сократических» диалогах), но признание этого соответствия ничего не добавляет к тому, что мы находим в платоновских текстах: «я буду говорить о влиянии иронии Сократа на его собеседников и на его общество так, как будто бы он был реальной личностью. Я, вместе с тем, буду говорить о воздействии иронии образа Сократа на читателей платоновских диалогов, тем самым трактуя его в качестве литературного характера»⁹. Д. Клей называет иронию Платона двойной, уже включившей в себя сократовскую иронию: «Если в диалогах Платона есть сократовская ирония, то над ней вышшеается ирония Платона, которая, когда мы ее рассмотрим, начинает выглядеть как маска позади маски»¹⁰. Ч. Грисволд также говорит о двух уровнях иронии в диалогах: сократическом и соб-

⁶ Лосев 2000: 84.

⁷ Jankélévitch 1964: 118.

⁸ Griswold 2002: 87.

⁹ Vasiliou 1999: 456.

¹⁰ Clay 2000: 101.

ственно платоновском, представляя их в качестве двух лексических порядков, при этом иронию Платона он называет «всеохватывающей и регулирующей иронию Сократа»¹¹. К. Роу резюмирует: «Едва ли можно поверить в то, что голос Сократа не является в целом голосом Платона»¹². Действительно, что бы ни говорилось о сократической иронии, мы должны признать, что у нас нет других надежных источников о ней, кроме текстов Платона. А в диалогах все формы речевого поведения Сократа, так же как и других персонажей, заданы Платоном.

Когда обращение к историческому Сократу устранено, мы обращаемся к Сократу как персонажу диалогов. В соответствии с «принципом рупора», именно он должен был бы рассматриваться в качестве проводника платоновской иронии. Однако давно замечено, что нигде в диалогах сам Сократ не говорит о себе как иронике, об иронии Сократа говорят другие персонажи (самые известные случаи — выступление Фрасимаха в «Государстве» об εἰρωνεία Σωκράτους (R. 337a7) и речь Алкивиада в «Пире» (Smp. 215a–216a, 221d–222b), причем в некоторых случаях это выглядит как осуждение, в других — как похвала.

В диалогах Сократ является не только субъектом иронии, что сильно облегчило бы понимание замысла Платона, но и ее объектом. Ирония Сократа часто ставит его собеседников в смешное и затруднительное положение. Ничего удивительного нет, когда в таком положении оказываются собеседники Сократа, но Платон часто строит сюжет так, что ирония обращается на самого Сократа. Так происходит, например, в большинстве эленктических диалогов, которые заканчиваются видимой неудачей, и Сократ, который вел за собой собеседников, оказывается в еще более неловком положении, чем те, кто его слушал. Так, например, он просто умоляет спешащего уйти Евтифрона в одноименном диалоге, чтобы тот объяснил ему, что такое благочестие: «Что ж это ты делаешь, друг мой! Уходишь, лишая меня великой надежды

¹¹ Griswold 2002: 88.

¹² Rowe 2007: 15.

узнать от тебя о благочестивом и нечестивом и избежать Мелетова иска, доказав ему, что я стал мудрым в божественных вопросах благодаря Евтифрону и никогда уже не буду заниматься невежественной болтовней и вводить в этом деле различные новшества, но впредь стану жить самой достойной жизнью» (Euthphr. 15d–16a). «Демодок», в котором Сократу даже не мешают непонятливые собеседники, заканчивается тем, что он запутывается сам: «Когда они таким образом говорили, я недоумевал, кому же все-таки следует верить и кому нет и надо ли верить людям, заслуживающим доверия и знающим то, о чем они говорят, или же знакомым и близким? А ты как?» (Demod. 386c). Или в «Соперниках», пересказанном диалоге из Малого Платона: заносчивый мальчик, получив вопрос Сократа о том, считает ли он любовь к телесным упражнениям не только прекрасным, но и благим делом, «ответил весьма насмешливо и двусмысленно (ὁ δὲ καὶ μάλα εἰρωνικῶς εἶπε δύο): Для моего соперника пусть будет сказано, что я не считаю любовь к гимнастике ни тем, ни другим; с тобой же, Сократ, я согласен, что она и хороша и прекрасна. И я полагаю, что это верно» (Amat. 133d8)¹³.

Итак, в диалогах Сократ вовсе не обладает монополией на иронию, хотя надо признать, что другие действующие в диалогах лица в еще меньшей степени могут претендовать на это, особенно учитывая то очевидное обстоятельство, что состав собеседников меняется от диалога к диалогу. От кого в таком случае исходит знаменитая сократическая ирония? Для ответа на этот вопрос мы предлагаем выйти за пределы текстового пространства диалогов, предполагая, что ирония является не чем иным, как вплетенным в драматургию платоновского диалога средством коммуникации между автором и читателем. Платон обращается к читателю (слушателю), но «Платон говорит посредством диалога как целого, а не посредством отдельных его персонажей. Выбор Платоном такой формы выражения своей философии, которая больше всего

¹³ Все три фрагмента приведены в переводе С.Я. Шейнман-Топштейн. «Демодок», как и «Соперники», относятся к числу *spuria*.

походит на трагедию, означает, что мы не можем рассматривать Сократа в качестве Платонова «оратора», это все равно, что принять хор в трагедии Софокла за голос самого Софокла»¹⁴.

Второй вопрос, на который следует обратить внимание, касается оценки иронии, из которой исходил Платон: может ли ироничность быть положительной или отрицательной характеристикой персонажа? Как следует относиться к автору, который практикует иронический дискурс? Прояснив отношение Платона к иронии, мы получили бы возможность более глубокого понимания целей, которые преследовал Платон этим использованием иронии. Здесь может оказаться полезным исследование иронии, предпринятое А.Ф. Лосевым во втором и восьмом томах «Истории античной эстетики», где он отмечает двойственный характер отношения Платона к иронии и то серьезное изменение в оценке иронии, которое стало результатом творческой деятельности Платона.

Использование слова εἰρωνεία Аристофаном связано с его позицией вредным нововведениям многословных и хитроумных софистов, так что у Аристофана ирония выступает в качестве понятия с резко отрицательными коннотациями. Ироники — это софисты, которые не говорят прямо, а только уклончиво. Значит, ирония — это своего рода изощренная ложь. В «Осах» сын Филоклеона, обманом продающего осла, говорит о том, «как ловко он придумал, как *затейливо*» (οἴαν πρόφασιν καθῆκεν, ὡς εἰρωνικῶς, V. 174)¹⁵. В таком же отрицательном смысле чаще всего использует данный термин и Платон, применяя его к прорицателям, поэтам и софистам. Используемая Платоном ирония заключает в себе два смысла: насмешки и введения в заблуждение. Это касается и отдельных реплик, когда, например, Сократ восхваляет мудрость Гиппия или говорит о своей дружбе с Протагором и Горгием. Это относится и к характеристике, которую Платон дает таким персонажам, как Евтидем и Дионисодор в «Евтидеме», на-

¹⁴ Clay 2000: 102.

¹⁵ Пер. Адриана Пиотровского.

зывая их «многоборцами» (παυκράτισται) и старцами (γέροντες): такая похвала оборачивается насмешкой над неразборчивостью и молодостью братьев.

Но если для Фрасимаха это явно отрицательное определение: ирония, по мнению Фрасимаха, вызвана нежеланием Сократа, отказавшись от вопросов, давать собственные ответы, то для Алкивиада ироничность Сократа — явно положительное качество, добровольное самоумаление, которое открывает его собеседникам возможность почувствовать себя мудрыми и самостоятельными. Аллегория Силена придает иронии оттенок божественности — ирония ведет от внешне безобразного к скрытому прекрасному. Таким образом, однозначно отрицательное отношение к иронии в прежнем употреблении Платон дополняет положительной оценкой, которая вовсе не вытесняет без остатка оценку отрицательную, но парадоксальным образом уживается с ней.

Третий вопрос касается природы платоновской иронии и целей, ради достижения которых Платон использует иронию. Что представляет собой ирония в платоновском исполнении: это риторическая фигура или особая форма философствования, отнести ли ее к внешней форме изложения учения или к стратегиям построения самого учения? Г. Властос в статье «Сократическая ирония» (а затем и в книге «Сократ, ироник и философ морали») приводит три основных определения понятия иронии¹⁶. Первое, со ссылкой на Квинтиллиана, определяет иронию как фигуру речи, в которой сказанное следует понимать противоположным образом. Такое определение, замечает Властос, выдержало проверку временем и в таком виде вошло в современные словари. Второе понимание связывает иронию с юмором, ирония понимается как шутка, переворачивающая общепринятые значения слов для того, чтобы вызвать комический эффект. И третье значение (Властос говорит о «применении») иронии встречается довольно часто, но оно настолько неочевидно, что для него трудно подобрать название. Речь идет об иронии, которая озадачивает, пугает и

¹⁶ См. Vlastos 1987 и Vlastos 1991.

оставляет в недоумении перед лицом загадки, которую предстоит разгадать. Властос обращается к остенсивному определению, через указание на случай: студент, обычно прилежный, явился к преподавателю неподготовленным и услышал от него: «Вы сегодня блестяще себя показали!». Это, по Властосу, и есть «третий вид иронии», результатом которой становится смятение студента, осознающего, что перед ним — серьезная и опасная ситуация, выход из которой ему предстоит искать в одиночку.

Мы обратим особое внимание на этот вид иронии, который, по мнению Властоса, и является преимущественно платоновским. Помимо того, что такое понимание платоновской иронии как своеобразной провокации мысли стало широко распространенным в современной науке о Платоне, у него есть некоторые особенности, которые позволяют предпринять дальнейшее развитие концепции Властоса. Прежде всего, оно позволяет нам распрощаться с традиционной привязкой иронии к комическому: о юморе в диалогах Платона говорить можно, только сильно оторвавшись от контекста. Шутки, смешные и нелепые ситуации, в которых постоянно оказываются участники диалогов, могут вызвать смех разве что у постороннего наблюдателя. Для ученика в Академии, так же как и для внимательного современного читателя, это выглядит, скорее, как мрачное предостережение и угроза самому оказаться в таком же положении: «Нельзя также не согласиться с замечанием Грота, что у Платона ирония Сократа и действительно принимает иногда такой вид, что как будто бы делом его было насмеяться и унижить своих собеседников»¹⁷.

Вторая важная особенность «третьей иронии», на которую мы хотим обратить внимание, состоит в том, что ее нельзя больше рассматривать только как средство *выразительности*. Платон делает иронию мощным средством *суггестии*. Он обращается к читателю не с тем, чтобы передать тому некую сумму знаний, а для того, чтобы привести его душу в определенное состояние. Поэтому для того, чтобы понять платоновскую иронию, нам придется

¹⁷ Козлов 2010: 36.

обратиться к прагматике платоновских текстов, поскольку именно она определяет поэтику, риторику и драматургию платоновских диалогов. Говоря о прагматике, мы делаем особый акцент на том, что отличает ее от синтактики и грамматики — на контекстуальность и телеологизм. Применительно к нашей теме это означает постановку вопроса о цели, достижение которой предположено создателем текстов, Платоном. Когда мы говорим о том, что эти цели носят педагогический характер, то это утверждение, конечно, не является новацией: педагогическая гипотеза появляется в научном платоноведении уже у Шлейермахера и затем никогда полностью не исчезает из исследований. Однако, после своего расцвета в работах немецких авторов первой половины прошлого века (В. Йегер, П. Фридендер, Й. Штенцель), эта сторона платоновского творчества ушла из центра внимания, вытесненная интересом к доктринальным, институциональным, поэтико-драматическим и политическим аспектам платонизма. Это, как нам кажется, привело к некоторой дезориентации исследований, когда, как в нашем случае, в исследованиях платоновской иронии многочисленные трудности не преодолеваются, а множатся, вопросы остаются без ответов и лишь заменяются другими, а исследователи все больше склоняются к тому, чтобы ограничиваться аналитикой отдельных случаев, которые могут быть представлены в качестве примеров иронии — кажется, не осталось ни одного диалога, о котором не была бы написана хотя бы одна статья с примерным названием «Ирония в диалоге...». Предлагаемый нами в исследовании иронии Платона педагогический подход не ставит перед собой задачи разрешить все описанные выше затруднения, его цель состоит в том, чтоб прояснить происхождение этих затруднений.

Ирония Платона ускользает от однозначной интерпретации в силу того, что, будучи педагогической техникой, в каждом диалоге выполняет именно те задачи, которые ставит Платон перед определенным учеником на определенной ступени его развития. При этом ирония может выступать не только как ритори-

рическая фигура, но и как эристическая техника, и как драматургический прием, и как сократическая философская позиция. По утверждению Фридлендера, «ирония Платона не сводится к простому выбору между открытым и скрытым смыслом, “обмену между Да и Нет” <...> в ней соединены притягивание и отталкивание, ирония имеет полифоническую структуру»¹⁸. Ирония создает полифоничность, множественность равноправных вариантов понимания диалогов. В иносказании «ино» так же значимо, как и «сказание», а косвенная форма выражения не является у Платона простой маскировкой для единственного правильного смысла, и понимание сказанного Платоном иронически в неироническом смысле создает совершенно новую версию диалога, как это было, например, с интерпретацией «Государства» Аланом Блумом. Платону необходима эта множественность вариантов понимания: в свете педагогической гипотезы вариативность понимания обусловлена потребностями воспитательного воздействия учителя на ученика; диалог направлен на то, чтобы провести ученика через упражнение, в котором оговорены основные условия, но результат, как и способ его достижения, зависит от самого ученика, слушателя и читателя. Ирония в платоновском диалоге, таким образом, является пайдевтическим приемом, посредством которого формулируется задача, ответ на которую неизвестен, более того — неизвестно, сколько у нее правильных ответов и есть ли у нее правильный ответ вообще. Ирония действительно выступает в качестве своеобразной провокации к самостоятельному мышлению и тем самым оправдывает одно из своих маргинальных значений, «повод»¹⁹, но не сводится к одной этой своей роли. Иногда ирония направлена на предостережение ученика от скоропалительных и необдуманных суждений с тем, чтобы не быть обманутым и не попасть в глупое положение, иногда — накрытие философских идей, особенно политического характера, от неподготовленного еще к их восприятию ученика-философа, в

¹⁸ Friedländer 1954: 144.

¹⁹ 'Pretext', см. LSJ s.v. *εἰρωνεία*.

некоторых случаях играет роль протрепетическую, иногда — миметическую.

Благодаря многообразному использованию иронии Платоном, каждое новое прочтение диалога способно привести к кардинально отличным результатам даже для одного и того же читателя. Этой же задаче «размыкания» текста служит и анонимность Платона, который никогда не присутствует среди участников диалога, тем самым из диалога устраняется фигура носителя безусловного и авторитетного знания, что вполне соответствует майевтической функции диалогов. Вместе с тем платоновский диалог принципиально несводим просто к сократической эристике, непрерывному ироническому пародированию и самопародированию, в нем присутствуют сильные аргументативные структуры, хотя они и хорошо скрыты, «это должен был быть определенный диалог, об определенных объектах и внутри определенной структуры. Знание о высших материях должно было передаваться в диалоге, имеющем сходство с диалектикой, и эта диалектика должна была быть связана с “высшими материями”, такими как идеи, первые принципы или истина»²⁰.

Литература

- Алиев 2008 — Алиев Б. Истина и басни в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина: иронический диалог философии и риторики // Болгарская русистика 3–4 (2008). С. 61–78.
- Гараджа 2016 — Гёте И.В. Платон как товарищ христианскому откровению (1796, по поводу одного перевода) / Пер. и введение А. Гараджи // Платоновские исследования. Вып. IV (2016) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016. С. 216–223.
- Козлов 2010 — Козлов А.А. Философские Этюды. М.: Директ-Медиа, 2010.

²⁰ Wilkinson 2009: 11.

- Bloom 1968 — *Bloom A.* The Republic of Plato / Transl. and Interpretive Essay by A. Bloom. New York: Basic Books, 1968.
- Burger 1985 — *Burger R.* Socratic εἰρωνεία // Interpretation. Vol. 13. No. 2 (1985). P. 143–151.
- Clay 2000 — *Clay D.* Platonic Questions: Dialogues with the Silent Philosopher. The Pennsylvania State University Press, 2000.
- Friedländer 1954 — *Friedländer P.* Plato. I: An Introduction / Tr. by Hans Mey-erhoff. New York: Pantheon Books, 1954.
- Furst 1984 — *Furst L.* Fictions of Romantic Irony in European Narrative, 1760–1857. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
- Goethe 2016 — *Goethe, J.W. von.* Plato, als Mitgenosse einer Christlichen Offenbarung // Платоновские исследования. Вып. IV (2016) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016. С. 224–228.
- Griswold 2002 — *Griswold Ch.* Irony in the Platonic Dialogues // Philosophy and Literature 26 (2002). P. 84–106.
- Hyland 1988 — *Hyland D.* Taking the Longer Road: The Irony of Plato's *Republic* // Revue de métaphysique et de morale. No. 3 (1988). P. 317–335.
- Jankélévitch 1964 — *Jankélévitch, Vladimir.* L'Ironie. Paris: Flammarion, 1964.
- Lane 2006 — *Lane M.* The Evolution of *Eirōneia* in Greek Classical Texts: Why Socratic *Eirōneia* is not Socratic Irony // Oxford Studies in Ancient Philosophy 31 (2006). P. 49–85.
- Nehamas 1998 — *Nehamas A.* The Art of Living: Socratic Reflections from Plato to Foucault. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Strauss 1964 — *Strauss L.* The City and Man. Chicago: The University of Chicago Press, 1964.
- Vasiliou 1999 — *Vasiliou I.* Conditional Irony in the Socratic Dialogues // The Classical Quarterly. Vol. 49. No. 2 (1999). P. 456–472.
- Vlastos 1987 — *Vlastos G.* Socratic Irony // The Classical Quarterly. Vol. 37. No. 1 (1989). P. 79–96.
- Vlastos 1991 — *Vlastos G.* Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1991.
- Wilkinson 2009 — *Wilkinson L.A.* Parmenides and To Eon. Reconsidering Muthos and Logos. London; NY.: Continuum, 2009.